

Буслаев Г. Н. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах : энергетический аспект / Г. Н. Буслаев, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 351—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371.

Buslaev, G. N., Reinhardt, R. O. (2022). Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 351-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371

Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах: энергетический аспект

Буслаев Георгий Николаевич
orcid.org/0000-0003-0595-3831
стажер
buslaev.egor98@gmail.com

Райнхардт Роман Отмарович
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
don.reinhardt@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect

Georgy N. Buslaev
orcid.org/0000-0003-0595-3831
trainee
buslaev.egor98@gmail.com

Roman O. Reinhardt
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor
Department of Diplomacy
don.reinhardt@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Буслаев Г. Н., Райнхардт Р. О., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается начальный период энергетических отношений между СССР и ФРГ. Поднимается вопрос о роли экономической дипломатии в развитии двустороннего диалога. Особое внимание уделяется влиянию факторов санкций и политического давления третьих сторон на нефтегазовое партнерство Москвы и Бонна. В качестве источников введены в оборот и использованы стенограммы заседаний Бундестага 1960-х годов и архивы МИД ФРГ в указанный период. Проанализировано то, как установление двустороннего энергетического сотрудничества было обусловлено необходимостью восстановления и укрепления экономик стран после Второй мировой войны, кризисами на Ближнем Востоке в странах-экспортерах энергоносителей, а также возросшей внешнеполитической и внешнеэкономической активностью СССР и ФРГ в 1950—1960-е годы. Доказано, что стороны поддерживали тесные связи в области энергетики, несмотря на санкционное давление и политические разногласия между государствами в период Холодной войны. При этом отмечено, что прагматизм руководств Советского Союза и Западной Германии в исследуемой сфере стал причиной устойчивого характера энергетического диалога в последующие десятилетия уже в совершенно иной международно-политической обстановке.

Ключевые слова:

советско-германские отношения; экономическая дипломатия; энергетический диалог; газ-трубы; санкции в нефтегазовом секторе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The initial period of energy relations between the USSR and the FRG is considered. The question is raised about the role of economic diplomacy in the development of bilateral dialogue. Particular attention is paid to the impact of sanctions factors and political pressure from third parties on the oil and gas partnership between Moscow and Bonn. Transcripts of Bundestag meetings of the 1960s and the archives of the German Foreign Ministry during the specified period were put into circulation and used as sources. It analyzes how the establishment of bilateral energy cooperation was due to the need to restore and strengthen the economies of countries after the Second World War, the crises in the Middle East in the energy exporting countries, as well as the increased foreign policy and foreign economic activity of the USSR and the FRG in the 1950s-1960s. It is proved that the parties maintained close ties in the field of energy, despite the sanctions pressure and political differences between states during the Cold War. At the same time, it was noted that the pragmatism of the leaderships of the Soviet Union and West Germany in the area under study became the reason for the sustainable nature of the energy dialogue in the following decades, already in a completely different international political environment.

Key words:

Soviet-German relations; economic diplomacy; energy dialogue; gas-pipe deal; sanctions in the oil and gas sector.

Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах: энергетический аспект

© Буслаев Г. Н., Райнхардт Р. О., 2022

1. Введение = Introduction

Отношения между Москвой и Бонном в области энергетики имеют богатую историю, берущую свое начало в 1950-х годах. Зарождение этих связей обусловлено рядом основополагающих тенденций в экономике и политике СССР и Западной Германии в послевоенное время. Как и большинство других государств, они стояли перед проблемой экономического восстановления. Уже к концу 1950-х — началу 1960-х годов ФРГ, которой удалось достичь довоенного уровня развития экономики к середине 1950-х годов [Тимошина, 2008, с. 309], потребовались дополнительные ресурсы и рабочая сила для поддержания высоких темпов экономического роста. И если проблема острой нехватки трудовых ресурсов была во многом решена посредством заключения серии договоров по привлечению иностранных рабочих из ряда стран (прежде всего, из Турции и Греции), то вопросы импорта энергоносителей предполагали более комплексный подход, подразумевавший активизацию контактов с Москвой. Советский Союз также стремился восстановить и укрепить свою экономику, и одним из средств по достижению данной цели виделось расширение экспорта сырья на новые рынки и приобретение иностранной валюты [Смирнов, 2011, с. 194]. В значительной степени именно этими намерениями Москвы была продиктована заинтересованность советского руководства в западногерманской сталелитейной продукции, использовавшейся для транспортировки энергоносителей.

Актуальность настоящей работы проистекает из того, что на энергетический диалог между Россией и Германией в значительной степени влияют тесные исторические связи между двумя государствами в данной сфере, а анализ периода зарождения этих отношений способен дать более полную картину их последующего развития. Новизна работы заключается в том, что исследуемый аспект сотрудничества между ФРГ и СССР рассматривается не только как самостоятельная область межгосударственного диалога, но и в контексте политических событий Холодной войны и связанных с ней противоречий и конфронтационности между двумя противоборствующими блоками. Понимание двусторонних процессов в энергетической сфере на фоне международно-политической обстановки указанного пери-

ода представляется важным для изучения текущего состояния энергетического диалога в условиях глубочайшего кризиса во взаимоотношениях между Россией и странами Запада.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в 1955—1982 годы между СССР и ФРГ были заключены ключевые соглашения и контракты (в частности, договор «газ — трубы» 1970 года), определившие траекторию развития российско-германских энергетических отношений на последующие десятилетия и заложившие основу межправительственного взаимодействия в данной области. Выделение указанного временного отрезка, предшествующего периоду канцлерства Г. Коля, также соответствует периодизации, которую применяют некоторые отечественные и зарубежные специалисты [Тимошина, 2008, с. 312] для описания послевоенной экономической истории ФРГ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Истокам российско-германского энергетического диалога уделяется большое внимание как в отечественной, так и в зарубежной литературе, что не в последнюю очередь связано со значением тесного партнерства по торговле энергоносителями для двух стран. Так, российский исследователь С. В. Смирнов указывает на значимую роль энергетического аспекта сотрудничества между Москвой и Бонном, которую он играл не только в экономике этих государств, но и в глобальной политике в целом. Согласно мнению названного исследователя, «именно Россия и Германия положили начало экономическим и политическим процессам, приобретшим в последующие годы общеевропейский и мировой характер» [Смирнов, 2011, с. 193]. Подробный анализ отдельных измерений советско-западно-германского энергетического сотрудничества встречается в работах отечественных авторов по более широкой тематике. Так, в монографии, посвященной комплексному исследованию экономики Германии, Б. Е. Зарицкий рассматривает историческое развитие партнерства Москвы и Бонна в нефтегазовой отрасли, отмечая, что «за свою почти полувековую историю российско-германское энергетическое сотрудничество эволюционировало от простой торговли энергоносителями к более сложным формам взаимодействия» [Зарицкий, 2019, с. 442]. Политические предпосылки сотрудничества государств в рассматриваемой сфере затрагивает российский специалист по Германии Н. В. Павлов, подчеркивая, что при заключении базовых соглашений в энергетике между Москвой и Бонном в 1960—1970-е годы «намного важнее была цель усилить политическое влияние ФРГ в Восточной Европе, расширить ее поле деятельности по отношению

к СССР и ГДР и в конечном счете убедить Советский Союз скорректировать свою позицию на германском направлении в самом широком смысле» [Павлов, 2017, с. 325].

Позитивное восприятие анализируемого периода нефтегазового сотрудничества между Советским Союзом и ФРГ распространено и в зарубежной специализированной литературе. Так, германский исследователь К. Вестфаль подчеркивает взаимовыгодный характер двустороннего партнерства в энергетике, основанный на прагматизме [Bros et al., 2017, p. 15]. В германских печатных изданиях встречаются и эмоционально более окрашенные оценки: в одном из номеров газеты «Die Zeit» соглашение «газ — трубы» 1970 года было охарактеризовано как «начало чудесной дружбы» между Москвой и Бонном [Die Zeit, 13.10.2013].

Ценными для данного исследования представляются впервые вводимые в оборот в российском научном дискурсе мемуары непосредственного участника анализируемых процессов — О. В. фон Амеронгена, главы Восточного комитета германской экономики с 1952 по 2000 годы. В своих воспоминаниях фон Амеронген подробно описывает события, связанные с советско-западногерманскими энергетическими отношениями второй половины XX века, и делится собственным взглядом на их развитие.

Таким образом, в настоящее время в экспертном нарративе можно встретить различные оценки энергетического сотрудничества СССР и ФРГ, а также обзор его отдельных аспектов. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в детальном анализе советско-западногерманского энергетического диалога во время Холодной войны с учетом двусторонних и глобальных процессов экономического и политического характера в указанный период.

В качестве источниковой базы данной работы были использованы стенограммы заседаний Бундестага, где, например, отражены высказывания западногерманских депутатов по поводу эмбарго, введенного кабинетом К. Аденауэра в 1963 году на экспорт труб в СССР [DB, 1963, S. 3072]. Кроме того, авторы обращались к материалам архива МИД ФРГ, в которых, в частности, приводится переписка посла ФРГ в Москве Х. Греппера (1962—1966 годы) с руководством министерства [AARD, 1994, S. 75—78]. Важными с точки зрения анализа количественных и качественных изменений советско-западногерманского энергетического диалога предстают приведенные в этой работе статистические показатели нефтегазовой торговли между СССР и ФРГ, размещенные на официальных ресурсах германских органов и объединений в области энергетики [Jahresbericht, 2020].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Экономическая дипломатия как инструмент установления и развития контактов между руководствами СССР и ФРГ

Объективный интерес Москвы и Бонна к развитию полномасштабного энергетического диалога в послевоенный период был связан не только с вышеуказанной проблемой экономического восстановления стран в 1950-е годы, но и со складывавшейся в то время ситуацией на мировых рынках. Именно тогда постепенно обозначался кризис в области энергетической безопасности западноевропейских государств, что было вызвано растущей напряженностью на Ближнем Востоке (в частности, Суэцким кризисом 1956 года) — регионе, где находятся крупнейшие страны-экспортеры нефти. Угроза перебоев в поставках сырья и нестабильных цен на рынке энергоносителей обусловила необходимость поиска западными странами альтернативных вариантов, одним из которых выступал Советский Союз.

Ресурсный потенциал СССР привлекал не только руководящие круги, но также бизнес и промышленность ФРГ. Поэтому неслучайно в 1952 году по инициативе тогдашнего министра экономики Л. Эрхарда, одного из авторов «германского экономического чуда» [Тимошина, 2008, с. 314], был создан Восточный комитет германской экономики (нем. Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft), членами которого стали представители западногерманского бизнеса и промышленности, стремившиеся развивать экономические связи и торговлю со странами Восточной Европы. Потребность в создании такого института обозначилась еще в первые годы после образования ФРГ в мае 1949 года, поскольку, несмотря на серьезные идеологические противоречия, Германия и Россия имели богатую историю экономического сотрудничества, оборвавшегося в связи со Второй мировой войной. Именно поэтому еще в августе 1952 года, за полгода до образования Восточного комитета, в Копенгагене состоялась встреча советской делегации во главе с замминистра внешней торговли С. А. Борисовым с представителями западногерманского крупного бизнеса [Смирнов, 2011, с. 193]. В ходе этой встречи обсуждались вопросы укрепления двусторонних экономических связей и закрепления за ними официального статуса путем заключения торгового соглашения. Данная идея и легла в основу создания вышеупомянутого Восточного комитета германской экономики.

В 1953—1954 годы состоялась серия переговоров между делегацией советского министерства внешней торговли и представителями Восточного комитета, а также с германскими промышленниками. Изначально на этих встречах обсуждались конкретные группы товаров, которые могли бы в будущем составить основу советско-западногерманского товарооборота. Затем планировалось заключение официального торгового соглашения между Мо-

своей и Бонном, которое бы регулировало торговые связи между сторонами независимо от статуса и состояния дипломатических отношений. Однако эти переговоры были приостановлены под нажимом руководства МИД ФРГ в лице статс-секретаря В. Хальштейна (с чьим именем связана известная западногерманская внешнеполитическая доктрина, согласно которой исключалось сотрудничество ФРГ со странами, признавшими ГДР) и лично канцлера К. Аденауэра, опасавшегося слишком стремительного сближения с Москвой, хотя и необходимого, но весьма неоднозначного в контексте растущей напряженности между Западом и Востоком [Павлов, 2012, с. 459].

В 1955 году Москва через посольство ФРГ во Франции направил К. Аденауэру приглашение посетить Советский Союз для улучшения отношений и придания им официального статуса. И хотя на первый взгляд не было каких-либо серьезных предпосылок для данного визита для западногерманской стороны, Н. В. Павлов отмечает, что политическая обстановка 1955 года располагала к некоторому сближению Западной Германии с Москвой [Павлов, 2017, с. 319]. После острой фазы Холодной войны в первое послевоенное десятилетие наметился спад напряженности между сторонами. За разрядку выступал тогдашний президент США Д. Эйзенхауэр, а в мае 1955 года четырем державам-победительницам удалось заключить соглашение, закреплявшее нейтралитет Австрии. В этих условиях отказ К. Аденауэра от визита в столицу СССР мог бы быть негативно воспринят как США, основным союзником ФРГ, так и западногерманским обществом, которое бы обвиняло канцлера в нежелании способствовать миру, снижению конфронтационности и решению германского вопроса [Четвертной, 1988, с. 56].

На фоне проводившихся на уровне промышленных кругов и внешне-торговых представителей переговоров по поводу заключения торгового договора между Бонном и Москвой виделось логичным, если бы в рамках визита К. Аденауэра в Москву обсуждались и вопросы экономического сотрудничества. Однако канцлер ФРГ уделял большее внимание политическим аспектам своей поездки в Москву, и одним из важных для К. Аденауэра пунктов на повестке дня была проблема возвращения германских военнопленных. Экономика же отходила на второй план, о чем, например, свидетельствовал тот факт, что среди представителей западногерманской делегации не было промышленников и министра экономики Л. Эрхарда [Филитов 2006, с. 182]. Тем не менее по итогам переговоров с 9 по 13 сентября 1955 года сторонам удалось не только установить дипломатические отношения, но и принять совместное коммюнике, согласно которому Москва и Бонн обязывались в ближайшей перспективе обсудить вопросы торговых связей и возможность заключения соответствующего соглашения.

Однако реализация положений вышеупомянутого коммюнике, то есть начало переговоров по торговле, осложнялась политическими установками западногерманского правительства. Кабинет К. Аденауэра (в особенности министр иностранных дел ФРГ Г. фон Бретано и статс-секретарь В. Хальштейн) опасался усиления позиций СССР, чему могло бы способствовать экономическое сближение Бонна и Москвы, несмотря на очевидную выгоду от торгового сотрудничества для обеих сторон. О таких настроениях в руководстве ФРГ свидетельствовала не только приостановка переговоров между советской внешнеторговой делегацией и промышленниками ФРГ в 1954 году, но и отсутствие существенных подвижек относительно заключения полноценного торгового соглашения, оговоренного еще в ходе визита Аденауэра в Москву осенью 1955 года [von Amerongen, 1992, S. 69].

Естественным образом, подобная позиция официального Бонна не устраивала западногерманский бизнес и представителей Восточного комитета германской экономики, уже несколько лет упорно добивавшихся развития экономических связей с СССР. Для германских промышленников представлялся очевидным тот факт, что установление дипотношений не привело к улучшению торговых связей. Недовольство подогревалось и тем, что в этот же период другие западные страны активно развивали торговлю с государствами Восточной Европы [Четвертной, 1988, с. 77].

Ускорить процесс по заключению торгового договора стремилась и советская сторона: в 1957 году председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин направил К. Аденауэру письмо, где говорилось о желании Москвы укрепить экономические связи с Бонном. В итоге после длительных консульских переговоров в 1958 году Г. фон Бретано и А. И. Микоян, первый заместитель председателя Совмина и бывший нарком внешней торговли, подписали Соглашение о товарном и платежном обороте. Одной из главных целей соглашения было увеличение взаимного товарооборота до 1,2 млрд марок к 1960 году против 17,2 млн марок в 1952 году, когда был создан Восточный комитет германской экономики [50 years..., 2020, p. 2]. О позитивном эффекте данного соглашения наглядно свидетельствует резкое увеличение двусторонней торговли до 1,4 млрд в 1960 году, то есть выше изначально поставленной цели [Смирнов, 2011, с. 197].

Интенсивному развитию взаимной торговли способствовало также исключение в 1958 году труб для трубопроводов из списка продукции и товаров стратегического значения, на которые накладывалось экспортное эмбарго для всех стран-членов НАТО со стороны Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (англ. CoCom). Этим воспользовались, в первую очередь, западногерманские металлообрабатывающие предприятия из Рейнской области (например, Phoenix-Rheinuhr).

Они начали активно поставлять в Советский Союз трубы для трубопроводов, разного рода металлические сплавы и промышленное оборудование [50 years..., 2020, p. 2]. СССР же стал осуществлять поставки сырья в ФРГ (нефть, уголь) и в перспективе планировал экспорт газа. Таким образом, именно в 1958—1960-е годы и началось активное сотрудничество Москвы и Бонна в вопросах энергетики.

Трубы, импортируемые из Западной Германии, имели большое значение для развития сырьевого сектора экономики СССР. В период зарождения советско-западногерманского энергетического диалога началось освоение крупных газовых месторождений на Южном Урале, а уже в 1960-х годах было открыто месторождение на Северо-Западе Сибири, бывшее на тот момент одним из крупнейших в мире, позже ставшее известным как Уренгойское. Импортные трубы позволили увеличить объемы сырья, поставляемого на внутренний рынок, и тем самым удовлетворить растущий спрос [Götz, 2004, S. 4]. Кроме того, производимые в ФРГ трубы большого диаметра использовались для строительства сетей трубопроводов в направлении европейских партнеров Москвы по Союзу экономической взаимопомощи (СЭВ), что повысило авторитет СССР в социалистическом блоке и одновременно внесло значительный вклад в укрепление советского экспорта энергоносителей на Запад.

В 1959—1962 годы такие западногерманские концерны, как Mannesmann, Krupp, Hoesch и другие, поставили в СССР около 600 тыс. тонн труб крупного диаметра [ibid., p. 3]. И даже несмотря на резко обострившийся кризис в советско-западногерманских отношениях на рубеже 1950—1960-х годов, кульминацией которого стало возведение Берлинской стены в августе 1961 года, экономический диалог двух государств не был прекращен и продолжил интенсивно развиваться. В 1960 году был подписан новый торговый договор между Москвой и Бонном, а также были заключены соглашения о поставках еще 163 тыс. тонн труб, которые Советский Союз планировал использовать для строительства нефтепровода «Дружба» с целью поставок сырья в ГДР и другие европейские социалистические страны [Müller et al., 1982, S. 66].

3.2. Ключевые межгосударственные соглашения между СССР и ФРГ в области энергетики и характеристика двустороннего энергетического диалога

Установление контактов между представительствами руководств СССР и ФРГ, отвечающих за вопросы энергетической политики, и деловыми кругами и их стремительное развитие в 1960-х годах, обернувшееся заключением первых контрактов советской промышленности с крупным западногерманским бизнесом, создали к началу 1970-х годов благоприятные

условия для начала полномасштабного взаимодействия Москвы и Бонна в энергетике [Götz, 2004, S. 5]. Этому способствовали и политические изменения вышеуказанного периода. С приходом к власти в 1969 году социал-демократа В. Брандта кардинально изменилась внешнеполитическая доктрина ФРГ в сторону сближения со странами-членами Организации Варшавского договора («новая восточная политика»). В мировой политике в этот период также стали намечаться изменения в сторону снижения глобальной напряженности, результатом которых стало подписание Хельсинкского заключительного акта в 1975 году.

Примечательно, что важным шагом на пути к полномасштабному экспорту энергоносителей из СССР в Западную Германию стал заключенный между СССР и Австрией договор о поставках газа в 1968 году, в соответствии с которым советская сторона должна была экспортировать газ в Австрию путем продления газопровода «Союз», проходившего из Сибири через Украину в Чехословакию. Позже газопровод достроили и до Италии. Для его строительства австрийской стороной были использованы трубы, заказанные у западногерманского предприятия Thyssen. Успех соглашения с Австрией как с первой страной Западной Европы (хоть и нейтральной) при косвенном участии западногерманского концерна был очевиден: уже в первый год эксплуатации нового газопровода Transgas было поставлено 142 млн куб. м газа, в обмен на который Советский Союз получил трубы [50 лет..., 2018].

На фоне этого стала активно обсуждаться возможность проведения газового трубопровода дальше в ФРГ по схожей схеме обмена газа на трубы. Подобная сделка с Москвой представлялась для прагматика В. Брандта выгодной не только с экономической, но и с политической точки зрения, поскольку экономическое сближение двух государств могло стать основой для налаживания конструктивных советско-западногерманских отношений, что было особенно важно после событий в Чехословакии 1968 года. Новый импульс идее о заключении договора «газ — трубы» придала встреча министра внешней торговли СССР Н. С. Патолычева с министром экономики ФРГ К. Шиллером в ходе Ганноверской промышленной выставки весной 1969 года, где они обсудили возможность поставок советских энергоносителей в Западную Германию. Ведение переговоров по газовому соглашению от ФРГ было поручено статс-секретарю министерства экономики ФРГ К. фон Донаньи. В 1969 году он нанес свой первый визит в Москву в рамках переговорного процесса. Позже статс-секретарь назовет эти переговоры «началом политики продуманной оттепели» [Deutschlandfunk, 2014].

Советский Союз также был весьма заинтересован в газовом соглашении с ФРГ. Наряду с экономической выгодой, которую получала Москва от по-

добного договора за счет импорта передового западногерманского промышленного оборудования, труб большого диаметра и комплектующих, СССР мог бы использовать активизацию энергетического диалога с ФРГ в качестве исходного пункта политики «разрядки» в отношении стран Запада.

Активное участие в разработке будущего соглашения принимали и западногерманские концерны. Летом 1969 года переговоры с Москвой вел Г. Шельбергер, генеральный директор Ruhrgas AG, крупнейшей западногерманской газовой компании. Западногерманские СМИ писали о готовящейся сделке как о «крупнейшей и политически наиболее значимой со времен окончания Второй мировой войны» [Der Spiegel, 1986].

Переговоры длились в течение девяти месяцев, и в феврале 1970 года в отеле «Кайзерхоф» в Эссене была официально заключена сделка «газ — трубы», которая представляла собой комплекс из трех соглашений. Первое соглашение касалось поставок советского газа в ФРГ объемом до 3 млрд куб. м ежегодно общей стоимостью около 2,5 млрд немецких марок в течение 20 лет [Смирнов, 2011, с. 199]. По второму договору западногерманские концерны Mannesmann и Thyssen обязывались поставить в Советский Союз 1,2 млн тонн труб крупного диаметра (1,42 м), часть из которых использовалась для продления газопровода Transgas на территорию ФРГ. И, наконец, третье соглашение закрепляло финансовые гарантии поставок труб путем предоставления СССР кредита сроком на 12 лет и размером 1,2 млрд марок со стороны консорциума банков ФРГ (всего 17 банков) во главе с Deutsche Bank [Там же].

И хотя объемы поставок газа по данному соглашению были весьма скромными по сравнению, например, с сегодняшним днем (согласованные 52 млрд куб. м газа в течение 20 лет примерно совпадают с ежегодным оборотом газа по проекту «Северный поток — 2»), значение договора трудно переоценить [50 years..., 2020, p. 4]. 6 июля 1970 года была отправлена первая партия труб из Мюльхайма, а через 3 года, 1 октября 1973 года, в баварском Вайдхаусе газопровод был торжественно запущен в эксплуатацию. Подобный контракт стал единственным в своем роде на тот момент в плане масштаба и задействованных сторон (СССР и ФРГ, страна-член НАТО). За ним последовала серия похожих соглашений 1973, 1974 и 1981 годов, укреплявших энергетическое взаимодействие Москвы и Бонна и еще больше увеличивших объем экспорта советского газа в ФРГ. В договоре 1973 года стороны согласились нарастить масштаб взаимного оборота — количество поставляемых труб удвоилось до 2,4 млрд тонн, а поставки газа увеличились с 52 до 120 млрд куб. м газа за 20 лет. По соглашению 1974 года объем экспорта труб достиг 3,7 млрд тонн, а газа — 180 млрд куб. м, четвертый же контракт предусматривал рост поставок газа еще на

8 млрд куб. м в обмен на компрессионные станции для обслуживания газопровода [Смирнов, 2011, с. 199]. Успехи во взаимной советско-западногерманской торговле незамедлительно отразились на позициях и авторитете Восточного комитета германской экономики, выступавшего с первого года своего основания за активные экономические контакты с Восточной Европой и, в частности, с СССР. Если в 1952 году в комитете участвовало 100 компаний, то уже к 1974 году членство в организации расширилось до 1000 предприятий, при этом в одной лишь рабочей группе комитета по СССР насчитывалось до 250 фирм [50 years..., 2020, p. 5].

Важность вышеуказанных соглашений между Москвой и Бонном для развития двусторонней газовой торговли в среднесрочной перспективе была очевидной. Именно благодаря этим долгосрочным соглашениям СССР выступал основным поставщиком газа в ФРГ вплоть до распада страны в конце 1991 года, и на протяжении всех 1980-х годов экспорт советского газа в ФРГ и его доля в общем западногерманском импорте имели стабильно высокие значения и ежегодно росли (табл. 1).

Таблица 1

Импорт советского газа в ФРГ (1982—1991 годы)

Год	Объем поставок, млрд куб. м	Доля в общем импорте газа ФРГ
1982	15,5	35 %
1983	15,1	34 %
1984	20	46 %
1985	20,1	43 %
1986	24	49,5 %
1987	25,6	49,7 %
1988	26,2	50,2 %
1989	28,6	50 %
1990	29,1	49,8 %
1991	26,3	43,5 %

Источник: [Bros et al., 2017, p. 13].

Как и предполагалось, налаживание более тесных взаимоотношений двух государств в энергетической сфере способствовало интенсификации политического диалога, что, в совокупности с другими факторами, привело к началу так называемой разрядки политической обстановки в Европе. В том же 1970 году был подписан известный Московский договор между ФРГ и СССР, закрепивший нерушимость существовавших тогда границ в Европе и открывший дорогу к взаимному признанию ФРГ и ГДР. По-

ложение договора о приверженности Москвы и Бонна общеевропейской безопасности позже развилось в Хельсинкском акте 1975 года. Рассматривая влияние сделки «газ — трубы» с этой перспективы [Pleins, 2011, S. 31], уместно сделать вывод о ее высоком политическом значении.

Еще большую актуальность энергетический диалог ФРГ с СССР приобрел осенью 1973 года, когда вследствие разразившейся на Ближнем Востоке войны Судного дня арабские страны решили резко сократить добычу и экспорт нефти с целью оказания давления на западные страны, поддерживавшие Израиль и в то же время сильно зависевшие от нефтяного импорта из Персидского залива. В результате этого к 1974 году цены на сырье выросли на 300 % [Беш, 2016, с. 82]. На повестке дня стран Запада все более остро стоял вопрос о диверсификации импорта энергоносителей. Очевидной представлялась зависимость энергетической безопасности Европы от ситуации на Ближнем Востоке и политической составляющей отношений Запада с арабскими странами. Энергетический диалог с СССР, в свою очередь, отличался прагматизмом и доказал свою устойчивость перед различными политическими противоречиями, так или иначе возникавшими между Москвой и западноевропейскими государствами. Примером реакции стран Запада и, в частности, ФРГ на энергетический кризис и переориентации на СССР выступали указанные соглашения 1973, 1974 и 1981 годов, заключенные в дополнение к изначальной сделке «газ — трубы» 1970 года [Pleins, 2011, S. 35].

Что касается нефти и ее импорта, то здесь еще четче и нагляднее прослеживается переориентация ФРГ со стран Ближнего Востока в сторону Советского Союза. В 1975 году на ближневосточные государства приходилось 52 % от всего импорта нефти в ФРГ, в 1980 году доля снизилась до 35 %, а в 1986—1988 годах упала до 15—18 % и из года в год постепенно уменьшалась [50 лет..., 2018]. Относительно доли СССР в поставках нефти в Западную Германию наблюдался прямо противоположный тренд: в 1975 году показатель составил 3,2 %, в 1980 году достиг 19,4 %, а спустя еще пять лет вырос до 27 % и с тех пор демонстрировал стабильные значения [Jahresbericht, 2020].

3.3. Фактор санкционного давления и влияния политической конъюнктуры на энергетический диалог СССР и ФРГ

Несмотря на преимущественно позитивный характер развития советско-западногерманского энергетического взаимодействия в 1955—1982 годы, необходимо отметить, что становление и укрепление двустороннего энергетического диалога пришлось на турбулентный период в международной политике. За три десятилетия Европа и мир в целом успели оказаться на пороге ядерной войны (Карибский кризис 1963 года),

достичь сближения противоборствующих лагерей в рамках «разрядки» начала 1970-х годов и пережить ее кризис в конце того же десятилетия. Подобные колебания не могли не отразиться и на отношениях между Москвой и Бонном, в том числе и в энергетической отрасли. При этом проблема политического давления и санкций как одного из инструментов такого давления проходила красной нитью через все энергетическое сотрудничество СССР и ФРГ во второй половине XX века.

Одним из первых серьезных проявлений воздействия внешней политической среды на нефтегазовое партнерство Бонна и Москвы стали события начала 1960-х годов. В 1962 году между США и СССР разразился Карибский кризис, и Холодная война вступила в еще более острую фазу. В этих условиях в 1963 году под давлением Вашингтона и лично президента Д. Кеннеди канцлер К. Аденауэр распорядился прекратить поставки труб в Советский Союз, иными словами, наложить эмбарго на этот вид экспортной продукции. Под удар попали контракты на более чем 130 тыс. тонн труб, при этом наибольшие убытки понесли металлопромышленные компании Рурской области. Недовольство решением наблюдалось не только среди промышленников и бизнеса, но и в Бундестаге. Кроме оппозиционных фракций, против эмбарго была настроена и Свободная демократическая партия ФРГ (СвДП), партнер блока ХДС/ХСС по правящей коалиции, ввиду чего К. Аденауэру пришлось идти на некоторые ухищрения. В ходе закрытого заседания парламента, которое было посвящено вопросу введенного эмбарго, депутаты от ХДС/ХСС покинули зал перед голосованием, в результате чего Бундестаг не имел кворума. Этот демарш предотвратил голосование по поводу снятия ограничений на экспорт труб [von Amerongen, 1992, S. 212]. При этом в Бундестаге правительство пыталось всячески отстоять свой курс. 18 марта 1963 года в ходе дебатов по вопросу вышеупомянутого эмбарго министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер заявил: «Я всей душой выступаю за поддержку металлургической и сталелитейной промышленности <...> Но сейчас мне необходимо выбирать между интересами внешней политики и интересами экономики <...> И здесь я выберу внешнюю политику» [DB, 1963, S. 3072]. В связи с этим отнюдь не удивительно, что крупные промышленники, понесшие значительные потери из-за запрета поставок труб на Восток, несколько отстранились от правящего блока, традиционно пользовавшегося широкой поддержкой металлопромышленных концернов: например, Mannesmann понес убытки в размере более 80 млн. марок, поскольку 30 % всего экспорта данного предприятия приходилось на Советский Союз [von Amerongen, 1992, S. 152].

Важно отметить, что под «интересами внешней политики», о которых заявил Г. Шредер в своей речи в Бундестаге, подразумевался не столько

ценностно-идеологический аспект противостояния в Холодной войне, сколько гарантии Вашингтона по защите ФРГ. Белый дом увязывал свою готовность обеспечивать оборону Западной Германии с соблюдением Бонном эмбарго на поставки труб в СССР [Engels et al., 1996, S. 230]. Неслучайно Л. Эрхард говорил о том, что поддержка ограничительных мер против СССР «затрагивает жизненные интересы ФРГ» и что, «исходя из этих интересов, Бонн ни при каких обстоятельствах не может позволить себе действовать в нарушение единогласного решения стран-членов НАТО» [DB, 1963, S. 3061—3077]. При этом, как отмечают германские исследователи М. Энгельс и П. Шварц, министр не упомянул, что в это же время британские фирмы вели переговоры с Советским Союзом по поставке тех же труб, а правительство Великобритании заявило, что не будет этому препятствовать [Engels et al., 1996, S. 232].

Любопытную оценку давлению США на руководство ФРГ в этом вопросе дал посол Западной Германии в СССР Х. Греппер, отметив в своем письме статс-секретарю МИД ФРГ К. Карстенсу, что «американцы рассматривают эмбарго на экспорт труб в СССР как проверку солидарности Запада на прочность» [AAPD, 1994, S. 75—79]. Похожую точку зрения разделяют М. Энгельс и П. Шварц: «Подобными угрозами (прекратить выполнение обязательств по обороне ФРГ в случае несоблюдения ей эмбарго. — *P. P., Г. Б.*) США сделали четкую увязку торговли ФРГ со странами Восточной Европы с вопросами безопасности в Европе и сплоченности НАТО» [Engels et al., 1996, S. 230].

Ситуация вокруг эмбарго на экспорт труб в Советский Союз имела серьезные политические последствия. В 1963 году под давлением германской общественности и политических кругов, недовольных в том числе и запретом на экспорт труб в СССР, К. Аденауэр ушел в отставку, а его место занял Л. Эрхард. После разрешения Карибского кризиса и начала ослабления политической напряженности в мире ФРГ получила больше пространства для маневра на рынках стран Восточной Европы. К тому же снятие ограничений на западногерманский бизнес соответствовало взглядам Л. Эрхарда, сторонника либеральной рыночной экономики, который выступал против сильной роли государства в экономических процессах. И к середине 1960-х годов во взаимоотношениях Западной Германии и СССР по вопросам энергоносителей наметились изменения в положительную сторону. В 1965 году был одобрен механизм экспортных кредитов с государственными гарантиями странам социалистического блока на более длительные сроки для осуществления крупных и долгосрочных поставок, а год спустя кабинет Л. Эрхарда полностью снял запреты на экспорт труб большого диаметра [Meier 2010, S. 17].

Проблема санкций еще раз обострилась через 20 лет и вновь пришла на период качественных трансформаций в мировой политике. И, как в 1962—1963 годах, в начале 1980-х годов между Западом и странами Организации Варшавского договора обострился кризис, отразившийся на дискуссиях о дальнейшем развитии нефтегазового сотрудничества между Москвой и Бонном.

До начала кризиса «разрядки», однако, советско-западногерманский энергетический диалог развивался стремительно, чему не в малой степени способствовал растущий спрос на энергоносители в странах Западной Европы. В ответ на это Москва рассматривала возможность строительства нового газопровода из Ямала в Западную Европу через Белоруссию и Польшу. После Исламской революции в Иране в 1979 году и вызванного этим нового витка кризиса и нестабильности цен на энергетическом рынке ФРГ под руководством канцлера Г. Шмидта, социал-демократа и преемника В. Брандта, начала активно прощупывать возможности своего участия в перспективном советском проекте и с 1980 года вести переговоры по данному вопросу [50 years..., 2020, p. 6]. Однако, как и двадцатью годами ранее, Бонн стал заложником политики США. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 году ознаменовал кризис «разрядки»: Вашингтон призывал своих партнеров по НАТО отказаться от энергетических сделок с СССР и ввести экономические санкции. Все это стало большим ударом для проекта Ямальского газопровода и западногерманского участия в нем. В своих воспоминаниях о переговорах с США в то время О. В. фон Амеронген писал, что тогда в Вашингтоне разделяли убеждение в том, что «Федеративная Республика (Германия. — *P. P., G. B.*) впадает в крайне опасную зависимость от Москвы» [von Amerongen 1992, S. 231].

Приход к власти в США Р. Рейгана в 1981 году ознаменовал ужесточение санкционной политики в отношении Москвы. В декабре этого же года Вашингтон ввел эмбарго на поставки оборудования для советских компрессионных станций, а полгода спустя ограничительные меры затронули и западноевропейские предприятия, экспортировавшие аналогичную продукцию, произведенную по американским лицензиям, в Советский Союз. В качестве альтернативы США предлагали свои энергоносители, однако подобные идеи были недостаточно продуманными (например, транспортировка сжиженного газа из Аляски) и не сулили большой выгоды для европейцев [50 years..., 2020, p. 9]. ФРГ и другие страны Западной Европы жестко отстаивали свои интересы, продолжая участвовать в строительстве новых веток газопровода. Даже несмотря на американские санкции, введенные против западноевропейских компаний из-за их участия в проекте, ФРГ, Франция, Великобритания, Италия проявили солидарность, не усту-

пив требованиям Вашингтона, что в итоге привело к отмене запрета на поставки газового оборудования в СССР осенью 1982 года.

Как можно заметить, прагматизм западногерманского руководства в экономических связях с Москвой возобладали над идейными установками, несмотря на сильное давление со стороны США. И более того, энергетическое сотрудничество развивалось стремительными темпами после подписания газового соглашения между «Союзгазэкспортом» и Ruhrgas AG в 1981 году, которое предусматривало поставки дополнительных 8 млрд куб. м газа в ФРГ и 12 млрд куб. м в другие государства Западной Европы на период 1984—2008 годов. Такие действия правительства ФРГ и западногерманских предприятий не могли не сказаться на отношениях между ФРГ и США, и для сглаживания противоречий был расширен список продукции стратегической важности, на которые накладывалось эмбарго на экспорт в страны социалистического блока. При этом доля советского газа в общем импорте в ФРГ увеличилась с 17 % до 30 % [Афанасьева, 2021]. Заметное повышение важности поставляемого из СССР сырья для западногерманского рынка вызывало настороженность в США, несмотря на уверения О. В. фон Амеронгена в том, что лимит в 30 % не повлечет за собой серьезной зависимости Бонна от Москвы [von Amerongen, 1992, S. 231]. Солидарность государств Западной Европы обеспечила устойчивость дальнейших энергетических взаимоотношений с СССР, однако нельзя сказать, что американские санкции не повлияли на энергетический диалог СССР с Западом: запрет США на экспорт нефтегазового оборудования стал одной из причин медленных темпов строительства двух веток советского газопровода на Запад [Афанасьева, 2021].

4. Заключение = Conclusions

Становление советско-западногерманского энергетического партнерства в послевоенный период было обусловлено объективными экономическими и политическими процессами в Европе, а также активной деятельностью представителей руководства СССР, правительства и деловых кругов ФРГ еще накануне установления официальных дипломатических отношений между странами в 1955 году. Интерес к развитию двустороннего диалога в данной области продолжал расти по мере его интенсификации.

С момента активизации полномасштабного энергетического взаимодействия СССР и ФРГ в 1970-х годах в экономических отношениях превалировал конструктивный диалог, что подразумевало поддержание деловых контактов, ведение торговых переговоров и заключение соответствующих соглашений без строгой увязки с политическим измерением двусторонних связей и международной политической конъюнктурой. Такой подход

позволил обеим странам продолжить развивать результативное торгово-экономическое партнерство в дальнейшем, уже имея прочный фундамент [Meier, 2010, S. 23].

Разумеется, санкционное давление и влияние третьих сторон в условиях политического противостояния эпохи Холодной войны накладывало отпечаток на дискуссию о дальнейших планах развития советско-западногерманского энергетического партнерства с учетом того, что кризисы в сфере политики и безопасности могли обернуться для обеих стран резким сокращением экономического взаимодействия, как это было, например, в начале 1960-х годов. Здесь примечательна тактика Вашингтона, направленная на подрыв советско-западногерманского диалога в энергетике в периоды активного переговорного процесса между Москвой и Бонном по расширению взаимодействия [Engels et al., 1996, S. 227]. При этом если на момент 1962—1963 годов, когда не без последствий для внутривнутриполитической ситуации ФРГ присоединилась к эмбарго на экспорт труб в СССР, оба государства не были связаны долгосрочными соглашениями в области нефтегазовой торговли, а советская нефть и уголь поставлялись лишь в незначительных объемах, то накануне нового витка обострения отношений между Москвой и Западом в начале 1980-х годов Советский Союз и Западная Германия уже обладали широкой договорной базой в рассматриваемой области, причем масштабы торговли углеводородами (прежде всего, газом) отличались большими объемами. Взаимовыгодное энергетическое сотрудничество двух стран и серьезные потенциальные издержки, которые они могли бы понести в случае его разрыва, выступали одной из причин того, что прагматичный подход руководств СССР и ФРГ к их двустороннему взаимодействию в нефтегазовой отрасли оставался одним из ключевых принципов советско-западногерманских, а позднее и российско-германских энергетических отношений.

Источники и принятые сокращения

1. *50 лет* надежных поставок российского газа в Австрию. ПАО «Газпром» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.gazprom.ru/press/news/2018/june/article433093/> (дата обращения 05.07.2022).
2. *50 years of pipes for gas*. Mittel- und Osteuropa Jahrbuch 2020. German Eastern Business Association. — June, 2020. — 18 p.
3. AAPD — *Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1963 / Vgl. H.-P. Schwarz*. — München : R. Oldenbourg Verlag, 1994. — Bd I : 1. Januar bis 31. Mai 1963. — 2014 S.
4. *Der Spiegel* [Electronic Resource]. — Access mode : <http://www.spiegel.de/> (accessed 10.06.2022).
5. *Deutschlandfunk* [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.deutschlandfunk.de/> (accessed 08.06.2022).

6. *Die Zeit*. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/index> (accessed 23.05.2022).

7. DB — *Deutscher Bundestag*. Stenographischer Bericht, 4. Wahlperiode, 68. Sitzung vom 18. März 1963. — 3125 S.

8. *Jahresbericht 2020*. Mineraloelwirtschaftsverband e.V. [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.mwv.de/wp-content/uploads/2020/09/MWV_Mineraloelwirtschaftsverband-e.V.-Jahresbericht-2020-Webversion.pdf (accessed 10.07.2022).

9. Von Amerongen O. W. *Der Weg nach Osten*. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft / O. W. von Amerongen. — München : Droemer Knaur, 1992. — 351 S.

Литература

1. *Афанасьева М.* История и перспективы энергетических сделок между Россией и Германией на фоне санкций США и «зеленой» энергополитики [Электронный ресурс] / М. Афанасьева // РСМД. 14.04.2021. — Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiyey-i-germaniyey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/> (дата обращения 15.05.2022).

2. *Беш Ф.* «Энергетическая дипломатия»: Западная Германия, Советский Союз и нефтяные кризисы 1970-е гг. / Ф. Беш // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 1 (50). — С. 79—90.

3. *Зарицкий Б. Е.* Экономика Германии / Б. Е. Зарицкий. — Москва : МГИМО-Университет, 2019. — 488 с. — ISBN 978-5-9228-2049-3.

4. *Павлов Н. В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. — Москва : Международные отношения, 2012. — 800 с. — ISBN 978-5-7133-1407-1.

5. *Павлов Н. В.* Россия и Германия : Несостоявшийся альянс / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 588 с. — ISBN 978-5-7567-0854-7.

6. *Смирнов С. В.* У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века) / С. В. Смирнов // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 2. — С. 193—200.

7. *Тимошина Т. М.* Экономическая история зарубежных стран / Т. М. Тимошина. — Москва : Юстицинформ, 2016. — 506 с. — ISBN 978-5-7205-1309-2.

8. *Филитов А. М.* Московский визит Аденауэра 1955 г. / А. М. Филитов // РСМ. — 2006. — № 2. — С. 177—186.

9. *Четвертной Л. М.* СССР — ФРГ : проблемы торгово-экономического сотрудничества / Л. М. Четвертной. — Москва : Международные отношения, 1988. — 160 с. — ISBN 5-1733-0115-X.

10. *Bros A.* German-Russian Gas Relations. A Special Relationship in Troubled Waters / A. Bros, T. Mitrova, K. Westphal // SWP Research Paper 2017/RP 13. — 48 p.

11. *Engels M.* Alliierte Restriktionen für die Außenwirtschaftspolitik der Bundesrepublik Deutschland. Das Röhrenembargo von 1962/1963 und das Ergas-Röhrengeschäft von 1982 // M. Engels, P. Schwartz ; H. Haftendorf, H. Riecke (Hrsg.). — Baden-Baden, 1996. — S. 227—242.

12. *Götz R.* „Schweigen für Gas?“ Deutschlands Abhängigkeit von Rußlands Energielieferungen / R. Götz // SWP-Aktuell 2004/A 43. — 15.09.2004. — 5 S.

13. *Meier C.* Deutsch-Russische Wirtschaftsbeziehungen / C. Meier // Comité d'études des relations franco-allemandes. Note du Cerfa. — 2010. — S. 14—24.

14. *Müller H.* Osthandel oder Wirtschaftskrieg? Die USA und das Gas-Röhren Geschäft / H. Müller, R. Robe. — Frankfurt/Main : Haag + Herchen, 1982. — 124 S. — ISBN 3881295453.

15. Pleins H. Die russische Erdöl- und Erdgaswirtschaft. Aktuelle Entwicklungen im Überblick / H. Pleins // Forschungsstelle Osteuropa Bremen, Arbeitspapiere und Materialien. — 2011. — Nr. 113. — 46 S.

Material resources

- Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1963, I: 1. Januar bis 31. Mai 1963.* (1994). München: R. Oldenbourg Verlag. 2014 S. (In Germ).
- Der Spiegel.* Available at: <http://www.spiegel.de/> (accessed 10.06.2022). (In Germ).
- Deutschlandfunk.* Available at: <https://www.deutschlandfunk.de/> (accessed 08.06.2022). (In Germ).
- Die Zeit.* Available at: <https://www.zeit.de/index> (accessed 23.05.2022). (In Germ).
- Deutscher Bundestag. (1963). *Stenographischer Bericht, 4. Wahlperiode, 68. Sitzung vom 18. März.* 3125 S. (In Germ).
- Jahresbericht 2020. Mineraloelwirtschaftsverband e.V.* Available at: https://www.mwv.de/wp-content/uploads/2020/09/MWV_Mineraloelwirtschaftsverband-e.V.-Jahresbericht-2020-Webversion.pdf (accessed 10.07.2022). (In Germ).
- 50 years of reliable Russian gas supplies to Austria. PJSC Gazprom.* Available at: <https://www.gazprom.ru/press/news/2018/june/article433093/> (accessed 05.07.2022). (In Russ.).
- 50 years of pipes for gas. (2020). *Mittel- und Osteuropa Jahrbuch 2020. German Eastern Business Association.* June. 18 p.
- VonAmerongen, O. W. (1992). *Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft.* München: Droemer Knaur. 351 S. (In Germ).

References

- Afanasyeva, M. (2021). History and prospects of energy deals between Russia and Germany against the background of US sanctions and “green” energy policy. In: *INF. 14.04.21.* Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiyey-i-germaniy-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze> (accessed 15.05.2022). (In Russ).
- Besh, F. (2016). “Energy Diplomacy”: West Germany, the Soviet Union and the oil crises of the 1970s. *Ural Historical Bulletin, 1 (50):* 79—90. (In Russ).
- Bros, A., Mitrova, T., Westphal, K. (2017). German-Russian Gas Relations. A Special Relationship in Troubled Waters. In: *SWP Research Paper 2017/RP 13.* 48 p.
- Chetvertnoy, L. M. (1988). *USSR — FRG: problems of trade and economic cooperation.* Moscow: International Relations. 160 p. ISBN 5-1733-0115-X. (In Russ).
- Engels, M., Schwartz, P. (1996). Alliierte Restriktionen für die Außenwirtschaftspolitik der Bundesrepublik Deutschland. Das Röhrenembargo von 1962 / 1963 und das Ergas-Röhrengeschäft von 1982. *Baden-Baden.* 227—242. (In Germ.).
- Filitov, A. M. (2006). Moscow visit of Adenauer 1955. *RSM, 2:* 177—186. (In Russ).
- Götz, R. (2004). „Schweigen für Gas?“ Deutschlands Abhängigkeit von Rußlands Energielieferungen. In: *SWP-Aktuell 2004/A 43.* 15.09. 5 S. (In Germ.).
- Meier, C. (2010). Deutsch-Russische Wirtschaftsbeziehungen. In: *Comité d'études des relations franco-allemandes. Note du Cerfa.* 14—24. (In Germ.).
- Müller, H., Robe, R. (1982). *Osthandel oder Wirtschaftskrieg? Die USA und das Gas-Röhren Geschäft.* Frankfurt/Main: Haag + Herchen. 124 S. ISBN 3881295453. (In Germ.).

- Pavlov, N. V. (2012). *History of German Foreign Policy. From Bismarck to Merkel*. Moscow: International Relations. 800 p. ISBN 978-5-7133-1407-1. (In Russ).
- Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany: The Failed Alliance*. Moscow: Aspect Press. 588 p. ISBN 978-5-7567-0854-7. (In Russ).
- Pleins, H. (2011). Die russische Erdöl- und Erdgaswirtschaft. Aktuelle Entwicklungen im Überblick. *Forschungsstelle Osteuropa Bremen, Arbeitspapiere und Materialien*, 113: 46 S. (In Germ.).
- Smirnov, S. V. (2011). At the origins of the Russian-German energy interaction (the 70s of the twentieth century). *Bulletin of MGIMO University*, 2: 193—200. (In Russ).
- Timoshina, T. M. (2016). *Economic history of foreign countries*. Moscow: Justicinform. 506 p. ISBN 978-5-7205-1309-2. (In Russ).
- Zaritsky, B. E. (2019). *Economics of Germany*. Moscow: MGIMO University. 488 p. ISBN 978-5-9228-2049-3. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 12.06.2022,
одобрена после рецензирования 04.08.2022,
подготовлена к публикации 24.08.2022.